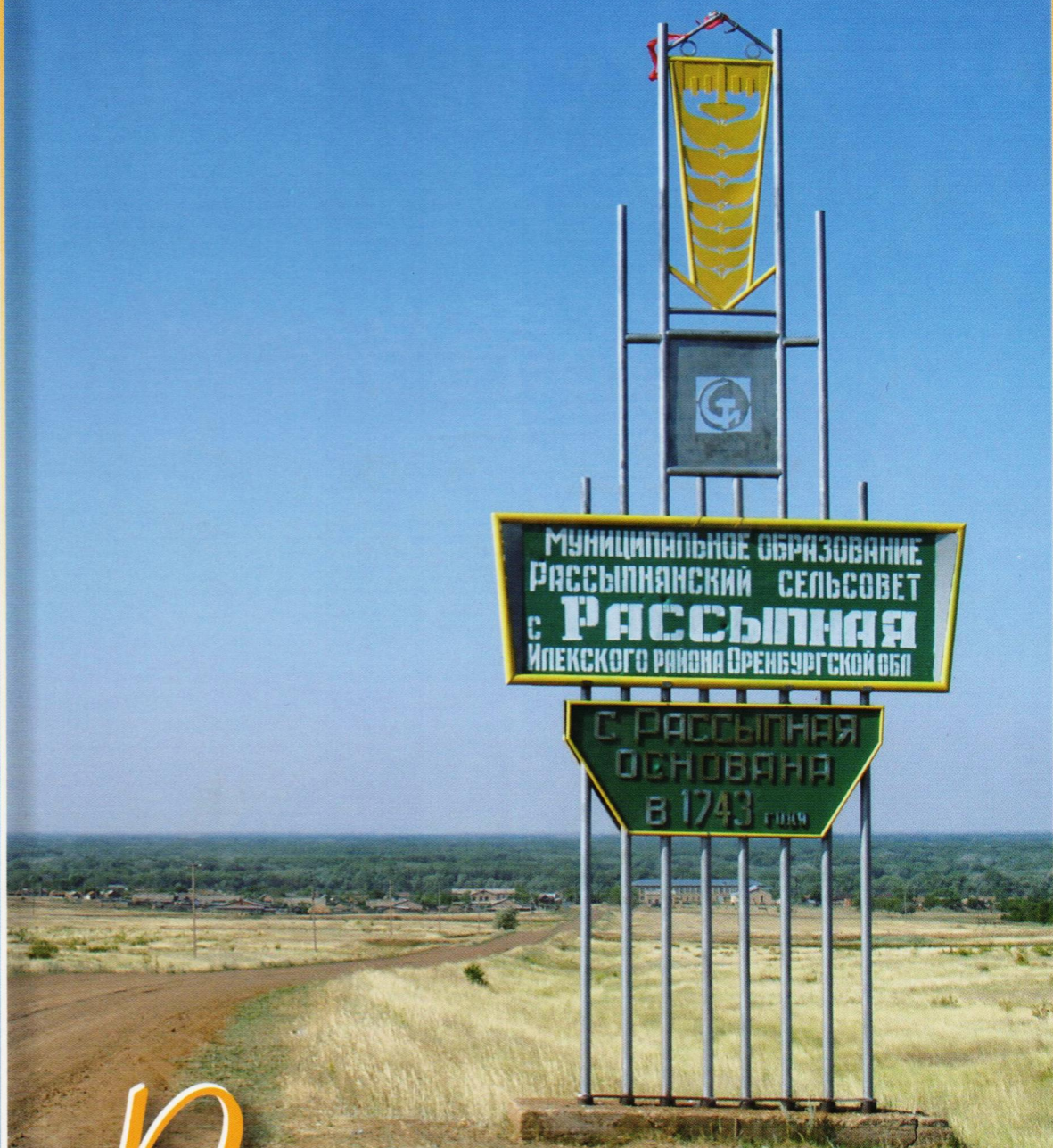

0901-5...1
Ф33

Родная

Рассыпная

Рассыпная в творчестве А.С. Пушкина

Не каждое российское село может похвалиться «родством» с великим творцом русской литературы Александром Сергеевичем Пушкиным. Рассыпной повезло: Пушкин не только несколько раз упоминает «крепость Разсыпную» в дорожных записях, архивных заготовках, черновых фрагментах рукописи, да и в самой знаменитой «Истории Пугачёва», но и при сборе материала сам лично побывал в ней.

Рассыпную А.С. Пушкин проезжал 20 сентября 1833 года по пути из Оренбурга в Уральск. Вот как об этом пишет Р. Овчинников: «Путешествие Пушкина по Оренбургскому краю совпало с 60-летием Пугачёвского восстания. Поэт приехал в Рассыпную крепость вечером 20 сентября 1833 года. Мало что изменилось тут с пугачёвских времён. Разве лишь то, что на целую версту ушёл Урал (Яик) от крепости, оставив на месте старого русла тихое лесное озеро, обветшали крепостные стены, появился кабак («питейный дом»), выросло число казачьих домов, а само население увеличилось в два с лишним раза (по данным переписи 1834 года здесь было 1548 жителей, из них 742 души мужского и 806 душ женского пола).

Утратив оборонительное значение, Рассыпная не имела армейского гарнизона и фактически являлась казачьей станицей, хотя в официальных бумагах по-прежнему обозначалась крепостью. Обязанности атамана Рассыпной крепости исполнял 37-летний казачий сотник Никанор Гаврилович Масленников, заслуженный офицер, награждённый орденом Анны 4-й степени за участие в экспедиции Ф.Ф. Берга у побережья Каспийского моря. К Масленникову мог обратиться Пушкин с просьбой о предоставлении лошадей для дальнейшего пути».

Обратим внимание на то, что поэт прибыл в станицу Рассыпную вечером. Данное обстоятельство заставило его отказаться от встреч с рассыпнянскими казаками, в чьей памяти, несомненно, отложились события, связанные с Емельяном Пугачевым.

Государственный архив Оренбургской области хранит ревизскую перепись от 9 апреля 1834 года, по которой отчетливо видно, что в Рассыпной в 1833 году находилось пятеро «престарелых очевидца» давних событий. Среди них:

Чуприков Ефим Архипович – 95 лет,
Чикалев Антип Васильевич – 87 лет,
Садчиков Илья Дмитриевич – 86 лет,
Жариков Степан Иванович – 78 лет,
Давыдлов Ульян Егорович – 75 лет.

Жаль, конечно, что у поэта не было возможности встретиться со старожилами. Сегодня мы бы могли иметь более богатую историю Рассыпной.

Потомки очевидцев и участников событий, связанных с Емельяном Пугачевым, жили и в XX веке в Рассыпной. Летом 2006 года мы беседовали с 90-летней Татьяной Петровной Красновой. В Оренбурге удалось встретиться с 90-летней дочерью последнего рассыпнянского атамана Евдокией Матвеевной Сухановой.

Наступающий вечер, видимо, не позволил великому поэту сделать и записи в путевых заметках. Однако текст «Истории Пугачёва» и богатые примечания к ней позволяют нам пред-

ставить впечатления А.С. Пушкина о крепости Рассыпной. В «Примечаниях» он писал: *«Крепость Рассыпная, выстроенная при том месте, где обыкновенно перебирались киргизцы вброд через Яик. Она находится в 25 верстах от Илецкого городка, а в 101 от Оренбурга».*

Две пушкинские фразы о крепости Рассыпной вместили сразу несколько серьёзных положений, основанных на материалах П.И. Рычкова. Во-первых, место для строительства укрепленного поселения выбрали из стратегических соображений. Существовала острая необходимость лишить дерзких киргизцев (казахов) возможности пользоваться удобной переправой. Крепость возвели в районе часто используемого киргизами брода. Наблюдательный поэт заострил внимание на этом интересном факте.

Во-вторых, Пушкин, несомненно, находился в курсе российско-киргизских отношений, знал о постоянных вероломных набегах киргизов на казачьи крепости, форпосты, подчас печально завершавшихся для оренбуржцев. Вот свидетельство землемера Ястребова, межевавшего земельную дачу казаков в 1800 году: *«...На возвышенных местах поставлены маяки, сделанные из соломы, при коих также сделаны наподобие пирамиды на четырёх столбах, на которых днём всегда стоит вооружённый часовой, смотрит на реку Урал, не подъезжают ли киргизы».* В случае тревоги соломенные маяки поджигались, оповещая крепость о приближающейся опасности.

В-третьих, А.С. Пушкин продемонстрировал выгодное географическое расположение Рассыпной:

- а) крепость возвели на большой судоходной реке;
- б) река Урал (Яик), её старицы и озёра изобиловали рыбой;
- в) рядом находились крупные населённые пункты: город Оренбург и Илецкий городок, что давало крепости серьёзные преимущества.

Обратившись к архивам, А.С. Пушкин ввёл в оборот важные сведения. В своём предисловии к «Истории Пугачёва» он выражал надежду, что будущие архивные изыскания дополнят, уточнят и исправят его труд.

Рассказ о взятии повстанцами Рассыпной крепости в «Истории Пугачёва» чрезвычайно лаконичен: *Пугачёв, захватив Илецкий городок при содействии тамошних казаков, «три дня праздновал победу и, взяв с собою всех илецких казаков и городские пушки, пошёл на крепость Рассыпную».*

Читателю, живущему вдали от крепостей и станиц и не представляющему казачьи поселения, дается чёткое пояснение: *«Крепости в том краю выстроены были не то что иное, как деревни, окружённые плетнём или деревянным забором».* Далее А.С. Пушкин продолжает: *«Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитой двух или трёх пушек, были безопасны от стрел и копий диких племён, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около её границ. 24 сентября Пугачёв напал на Рассыпную. Казаки и тут изменили. Крепость была взята. Комендант майор Веловской, несколько офицеров и один священник были повешены, а гарнизонная рота и полтора казаков присоединены к мятежникам».*

Успеху в сборе фольклорного материала о «пугачёвщине» способствовало умение А.С. Пушкина легко и просто сходить с людьми из народа, беседовать с ними, проявляя внимание и глубокий интерес. Такой же линии общения с простыми людьми придерживался Пушкин и в поездке по Оренбургскому краю и Поволжью, настраивая своих собеседников на откровенные рассказы о Пугачёвском восстании (подбивал под «пугачёвщину», по выражению В.И. Даля), хотя тема эта представлялась в то время и подозрительной, и полузапретной.

В соответствии с замыслом «Истории Пугачёва» Пушкин, по собственным словам, *«старался... исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении»*, что стоило ему *«немалого труда»* из-за противоречивости свидетельств источников.

Обращает на себя вывод Р. Овчинникова: «Картина взятия Белогорской крепости отображена в «Капитанской дочке» несравненно подробнее и художественно выразительнее, нежели описание аналогичного происшествия с Рассыпной крепостью в «Истории Пугачёва». Но в то же время в обоих этих отображениях, художественном и научно-историческом, усматриваются явные черты сходства и в начальных ситуациях, и в последовательности чередования эпизодов, и в заключительных сценах. Изображая в «Капитанской дочке» события, происходившие в Белогорской крепости, Пушкин опирался на документальные и мемуарные свидетельства о боевых действиях Пугачёва у приицких крепостей, и прежде всего у Рассыпной крепости, мастерски ввёл эти реальные исторические свидетельства в ткань художественного повествования, придав ему жизненную достоверность».

Изучая историю «пугачёвщины» по документам и мемуарам, по свидетельствам престарелых очевидцев, Пушкин вынес ясные представления и об остроте социальных противоречий, и о расколе общества на два непримиримо враждующих лагеря.

Подводя итоги собственных наблюдений и впечатлений, полученных от путешествия по Уралу и Поволжью, Пушкин на заключительной странице своего исследования отмечал, что имя Пугачёва *«гремит ещё в краях»*, где он действовал, и что *«народ живо ещё помнит»* события восстания, ту пору, *«которую – так выразительно – прозвал он пугачёвщиною»*.

Представляя рукопись «Истории Пугачёва» на суд властей, решавших вопрос об её издании, Пушкин писал: *«Не знаю, можно ли мне её напечатать, по крайней мере, я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал её без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей»*.

Из Рассыпной путь Пушкина пролегал на запад, вдоль правого берега Урала, через прибрежные казачьи форпосты к Уральску, который в официальных бумагах обозначался как «начальное гнездо бунта» – место, где в сентябре 1773 года Пугачёв и его сторонники подняли казаков на восстание.

